

ДЛЯ МАЛЮТКЪ

Е. В. ДЕНТОН

1890

Н О Я Б Р Ъ № 11.

Г О Д Ъ В Т О Р О Й .

С О Д Е Р Ж А Н И Е .

	СТР.
I. Спасенный зябликъ. (Картинка). <i>С. Лав- рентъевой.</i>	163
II. Три яблочка. (Сказка). <i>Г. Ясинскаго.</i>	168
III. Неудачная прогулка. <i>Бумз-бумз.</i> Съ тремя рисунками.	170
IV. Первый снѣгъ. (Страничка изъ жизни ма- ленькаго мальчика). <i>Ивана Бьлоусова.</i>	177

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Адресъ редакціи: Сергіевская, д. № 26.

СПАСЕННЫЙ ЗЯБЛИКЪ.

(Картинка).

Дѣти въ большомъ волненіи. Петя у Дымки отнялъ живого зяблика. Дымка была сѣрая кошка. Оттого ее и назвали Дымкой, что она была такого сѣраго цвѣта, какъ дымъ. Дымка очень умная кошка и прекрасно ловить крысъ и мышей. Когда, бывало, услышать, что Дымка идетъ и не мяукаетъ, какъ обыкновенно, а «курлыкаетъ»,—значить, она тащитъ крысу или мышъ. Она знала, что ее за это похвалятъ и шла похвастаться своей ловкостью. Ее точно за это хвалили и давали потомъ молока. Но не хвалили Дымку тогда, когда она ловила въ саду птичекъ—и Дымка знала это. Тогда

она уже не курлыкала, а тихонько пробиралась, чтобы спрятаться подъ диванъ, на балконъ, гдѣ и начинала трепать бѣдную птичку. Если дѣти видѣли это, они приходили въ страшное волненіе.

— Хватай, хватай ее!—кричалъ Коля, бросаясь безъ толку и мѣшая другимъ.

— Гоните ее изъ-подъ дивана! Дайте палку!—вопила, начиная плакать, Катя.

— Пошла ты прочь, только мѣшаешь!—ворчалъ на нее Петя, старшій изъ дѣтей.

— Вонъ она, вонъ она! — произносила нараспѣвъ крошка-Дина, растянувшись на полу и подглядывая подъ низкій диванъ, откуда очень трудно было вытащить Дымку, игравшую съ птичкой.

Чаще всего случалось, что когда наконецъ выгоняли Дымку изъ-подъ дивана и вытаскивали птичку, то птичка или была уже задушена, или такъ истерзана, что скоро умирала. Дѣти уронять надъ нею нѣсколько слезинокъ и зарюютъ въ саду. Но на этотъ разъ Петѣ удалось перехватить Дымку раньше, чѣмъ она юркнула подъ диванъ. Хотя она, несмотря на то, что очень любила Петю,—сильно раза два царанула его въ руку, но ему все же удалось отнять у нея

зяблика. Ни одинъ герой, возвращавшійся съ поля битвы со знаменами, отнятыми отъ непріятеля, не шель такъ торжественно, какъ шель теперь Петя, осторожно держа въ рукѣ зяблика. Кругомъ него прыгали дѣти, восхваляя его храбрость и ловкость и щебеча, какъ воробьи.

— Ай, какой хорошенькій! — говорила умильно Катя, поглядывая на зяблика.

— Дайте мнѣ его поцѣловать! — пищала Дина.

— Тише вы, — говорилъ важно Петя, — у него крылышко смято; надо его лечить.

На помощь дѣтямъ пришла мама. Крылышко дѣйствительно было повреждено, такъ что птичка не могла летать.

— Ее нельзя теперь выпустить на волю, — замѣтила мама, — она опять попадетъ въ лапы къ Дымкѣ; надо сначала ее лечить. Да нѣтъ ли у насъ клѣтки?

Клѣтки, однако, въ деревнѣ не оказалось. Рѣшено было устроить помѣщеніе для зяблика на окнѣ. Для этого полъ-окна было затянута кисейной занавѣской, которую прибили съ боковъ такъ плотно, чтобы Дымка не могла туда забраться; поставили на окно нѣсколько вѣтокъ сорванныхъ съ дерева,

блюдечко съ водой; насыпали сѣмянъ. Потомъ мама приступила къ леченью зяблика. Принесли мягкихъ, тонкихъ тряпочекъ и, намочивъ ихъ въ водѣ съ арникой, обложили тряпочками больное крыло. Птичка терпѣливо переносила перевязку. Видно было, что ей даже пріятна была прохлада мокрыхъ тряпочекъ. Когда ее посадили за занавѣску на окно, она, отдохнувъ немного, принялась за ѣду, неловко прыгивая по подоконнику.

Цѣлый день дѣти только и дѣлали, что, то тотъ, то другой, подбѣгали къ окну и любовались птичкой. Она была совершенно спокойна: клевала зерна, пила воду изъ блюдечка и даже отрывисто перекликалась съ птицами, щебетавшими за окномъ.

— Можетъ быть это ея родныя прилетѣли,—жалобно говорила Катя,—и зовутъ ее къ себѣ!

Рано утромъ зябликъ защебеталъ на своемъ окнѣ. Ему все продолжали дѣлать примочки; потомъ и перестали; и онъ сталъ поправляться. Скоро онъ совсѣмъ привыкъ къ своему новому положенію. Все звонче и звонче раздавалось его утреннее щебетанье; все выше подпрыгивалъ онъ по вѣт-

камъ, стоявшимъ на окнѣ. Скоро онъ сталъ купаться въ блюдечкѣ съ водой, бодро встряхивая мокрыми перышками, но все еще не свободно владѣя раненымъ крыломъ.

Нечего и говорить, что дѣти поочередно безпрестанно навѣдывали своего любимца. Дина готова была отказаться отъ пирожнаго и шоколада, еслибы знала, что зябликъ будетъ кушать то и другое; но онъ ничего не хотѣлъ клевать, кромѣ сѣмянъ, которыя въ изобиліи были разсыпаны по окну. Дымкѣ былъ строго запрещенъ входъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ зябликъ; но если она прокрадывалась туда, то ее тотчасъ же оттуда выгоняли. Разъ, когда никого не было въ комнатѣ и дверь оставалась отворенной, Дымка, оглядываясь кругомъ, подкралась къ окну и, вскочивъ на столъ, стоящій подлѣ него, хотѣла было попытаться снова овладѣть зябликомъ. По счастію, въ эту минуту вошла горничная Даша и хитрой Дымкѣ задали тутъ же, передъ окномъ, такую трепку за уши, что она долго дулась на Дашу, косо поглядывала на окно съ зябликомъ, и проходила стороной подальше.

Пришла осень. Надо было изъ деревни перебираться въ городъ. Зябликъ со-

всѣмъ оправился и могъ взлетать такъ высоко, что его не достала бы больше Дымка. Наканунѣ отъѣзда въ городъ, дѣти всей гурьбой, осторожно взявъ зяблика, отправились съ нимъ въ лѣсъ и тамъ выпустили его на волю. Онъ быстро взвился, сѣлъ на высокой вѣткѣ слегка покраснѣвшаго клёна, чирикнулъ раза два, какъ бы говоря: «Спасибо, дѣтки!» — перепрыгнулъ на сосѣднюю рѣку, расправилъ крылышки, вспорхнулъ высоко и потонулъ въ ясномъ небѣ.

С. Лаврентьева.

ТРИ ЯБЛОЧКА.

(Сказка).

ринесла няня три красныя яблочка Яшѣ и сказала:

— Яша, на тебѣ три яблочка.

Взялъ Яша три яблочка и сталъ смотрѣть, которое изъ трехъ лучше, что бы его сейчасъ съѣсть.

Одно маленькое, душистое яблочко, прелесть ка-

кое румяное, крѣпко пристало къ рукѣ Яши и тихонько сказало ему:

— Скушай меня! Я сладкое, я рассыпчатое, я люблю, когда меня кусаютъ!

Второе яблочко, съ этакой хорошенькой, хорошенькой бородавочкой, тоже крѣпко пристало къ другой рукѣ Яши и тоже тихонько сказало ему:

— Меня скушай! Я еще лучше, я еще рассыпчатѣе, я во рту такъ и таю!

А третье яблочко закричало, закапризничало:

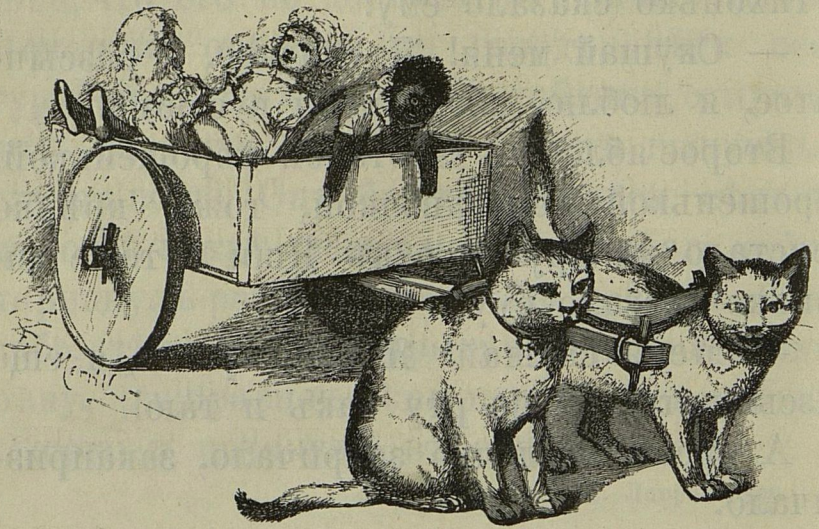
— Не хочу! Не хочу! Не люблю, когда меня кусаютъ! Не дамся я!

Оно вырвалось отъ Яши, упало наполь—хлопъ-стукъ-стукъ! и покатилося подъ комодъ, запряталось въ темный уголь, гдѣ пыль и паутина, и долго дулось тамъ и плакало; а потомъ и сгнило.

И. Лепинскій.

НЕУДАЧНАЯ ПРОГУЛКА.

— Мяу, мяу, м-яуу, рры, м-яуу...

— Ну! размяукались... чего царапаетесь,—уговаривала Надюша кошекъ, запрягая ихъ въ маленькую телѣжку.—Все бы вамъ лежать да ѣсть... Можете, я думаю, немного покатать моихъ куколокъ... ихъ много, но онѣ не тяжелыя!

Кошки пятились назадъ, перевертывались вверхъ ногами, ложились на бокъ, ворчали, мяукали, нѣсколько разъ до крови царапали руки Надюши, но она не унималась.

— У-у противныя! печенку ѣсть люби-

те... на диванахъ валяться любите,—вонъ какъ испачкали ихъ своей шерстью, а не хотите покатать моихъ куколокъ. Еслибы я не вычищала щеточкой вашу шерсть, то вамъ бы отъ мамы досталось!

Кошки успокоились.

— Ну, вотъ теперь паиньки! не брыкаетесь, не мяучите и мордочки у васъ добрыя,—говорила Надя, глядя своихъ кошечекъ.—Когда вернемся домой, я дамъ Матрешѣ двѣ копѣйки, цѣлыхъ двѣ, даже три, она вамъ купить печенки—много, много. Вечеромъ я буду пить молоко и молока вамъ дамъ...

Поѣхали кошечки по садовой дорожкѣ. Компанія куколъ сидитъ спокойно въ телѣжкѣ... Вотъ кошки мчатся, телѣжка постукиваетъ, куклы подпрыгиваютъ.

— Какъ имъ должно быть весело, — говоритъ Надюша...—Я буду теперь катать ихъ каждый день. Паиньки, кошечки!.. Славно накормлю васъ печенкой, напою молочкомъ...

Не успѣла Надюша повторить своихъ обѣщаній милымъ кошечкамъ, повидимому, не особенно довольнымъ своимъ положеніемъ, откуда ни возьмись—выбѣгаетъ Ми-

лоръ... Увидя пару своихъ недруговъ, онъ громко залаялъ...

У бѣдныхъ кошечекъ потемнѣло въ глазахъ... онѣ заметались бросилось на дерево.

Если не жизнь, то фарфоровыя головы, ноги и руки куколь въ большой опасности...
 — Вотъ кошки! — вскрикнула Надя. — Ну, кошки! Точно въ первый разъ видятъ Милора... Правда, онъ рѣдко приходитъ... Дядя знаетъ, что мама не любитъ этого противнаго Милорку. У... собака! Носъ всегда мокрый и какой-то раздвоенный, точно двѣ трубки вставлены. Вѣчно у него тянется густая, прегустая слюна. Гадость! Однимъ словомъ гадость!

Пока Надюша ворчала на Милора, кошекъ и слѣдъ простыль... Куклы лежали тутъ и тамъ... Однѣ получили тяжкія раны, другія легкія поврежденія.

Тяжело ранена была Фима. У нея вдребезги разлетѣлась голова, остался только кусокъ пробки. У куколь вмѣсто мозга пробки, къ которымъ прикрѣпляются парики.

У бѣдной Шурочки выпали оба глаза. Два чудныхъ голубыхъ глаза ушли куда-то внутрь... Надюша, увидя двѣ глубокія ямы вмѣсто глазъ, поморщилась и тотчасъ перевела свои глазки на Колюху. Колюха простая кукла, сшитая изъ тряпокъ. Надюша сшила его сама. Волосы Колюхи были сдѣ-

ланы изъ кистей маминаго капота. Глаза, ротъ, брови и носъ—Надюша также сама нарисовала. Правда, одинъ глазъ Колюхи былъ выше другого, одна бровь короче другой, но это нисколько не уменьшало ея любви къ нему.

— Тебѣ не нравится лицо моего Колюхи, — говорила Надя своей сестрѣ, проводя красными чернилами по тому мѣсту, гдѣ долженъ быть ротъ, — ну, такъ что жъ, и пускай не нравится. А развѣ у людей не бываетъ косыхъ глазъ. Развѣ не бываетъ кривого носа... Вотъ еще... гдѣ же набратъся красавцевъ!

Колюха дѣйствительно былъ безобразенъ, хотя одѣтъ прилично. На немъ была красная рубашка, желтые, широкіе, широкіе шаровары... Его волосы сплошь закрывали лицо, а поднятая кверху рука точно грозила неблагодарнымъ возницамъ, съ такой силой отбросившимъ ихъ экипажъ къ канавкѣ...

— Теперь я съ вами поступлю иначе, — говорила Надя, поглядывая въ ту сторону, гдѣ скрылись кошки... — Теперь я васъ буду объѣзжать. Куплю возжи съ бубенчиками, хлысть; куплю печенки, приготовлю молока. Устрою станціи и на каждой станціи буду

Надинъ Матросикъ спитъ.

васъ кормить и поить... и если хотя еще разъ покажется этотъ противный Милорка, тогда онъ узнаеть, что я съ нимъ сдѣлаю.

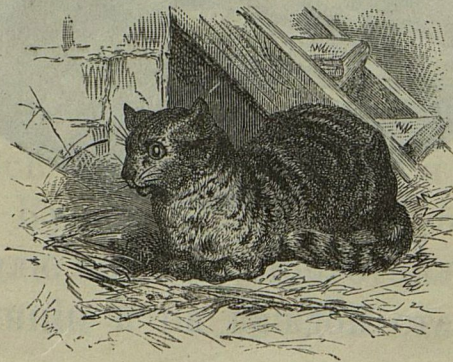
— Барышня, пожалуйста кушать,—сказала Матреша... — А что у васъ съ куколками-то случилось? что это онѣ у васъ такъ разбросаны, точно послѣ сраженія...

— Это вашъ любимецъ Милорка надѣлалъ. Кормите его побольше... любите...

— Что же онъ сдѣлалъ, барышня?..

— Я, Матреша, хотѣла покатыть своихъ куколокъ... запрягла въ телѣжку Мику и Матросика,—сначала они не хотѣли ѣхать, мяукали, даже посмотрите, какъ меня исцарапали, а потомъ такъ хорошо поѣхали, точно настоящія лошадки и вдругъ откуда ни возмись этотъ гадкій Милорка... Видите, что онъ надѣлалъ. Посмотрите на мою бѣдную Фиму! А Шурочка? на что она похожа!.. Вотъ собака!

Бумъ-бумъ.

ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

(Страничка изъ жизни маленькаго мальчика).

ъ самага утра небо было покрыто сѣрой мглой, и цѣлый день будто бы не разсвѣтало. Даже холодный сѣверный вѣтеръ не могъ разогнать густыхъ тучъ, низко нависшихъ надъ землею. Къ вечеру началъ опускаться снѣжокъ, — сначала мелкій, едва замѣтный, а потомъ пошелъ цѣлыми хлопьями. Всю ночь шелъ снѣгъ. Крыши

домовъ, улицы, фонари и тумбы—все было покрыто снѣгомъ. Къ утру установился первопутокъ...

Володя проснулся рано и раскапризничался; онъ ни за что не хотѣлъ надѣвать старые башмаки.

— Не надѣнешь этихъ башмаковъ, не возьму тебя кататься по снѣгу и не пойду съ тобой гулять, — сказала ему старушка-няня.

Володя пересталъ плакать и бросился къ окну; тамъ за окномъ все было покрыто первымъ бѣлымъ, блестящимъ снѣгомъ. Извозчики бойко мчались въ своихъ санкахъ

по углаженной мостовой, мальчишки бѣжали, хватаясь за уши и носы, и всѣ были въ шубахъ.

— Няня, няня, гдѣ же мои санки?!. — кричалъ Володя.

— А умываться и Боженькѣ молиться будешь? — спрашивала няня.

— Буду.

— Башмачки надѣнешь?

— А развѣ новыхъ-то нѣту?

— Новые чужой дядя взялъ; видѣлъ вчера, къ папѣ приходилъ... онъ и унесъ ихъ съ собой, — успокоивала няня.

— Хорошо... надѣну, — наконецъ согласился Володя.

— Ну, вотъ умникъ!..

И умникъ, надѣвъ старые башмаки, умылся, и помолившись Богу, пошелъ поздравлять съ добрымъ утромъ маму; папы уже не было дома, — онъ рано ушелъ на службу.

Наскоро напился Володя чаю: онъ торопился идти гулять. Послѣ чая няня надѣла на него теплую шубку, подвязала шею платкомъ, взяла санки, и они пошли въ садъ.

Въ саду всѣ деревья были покрыты пушистымъ снѣгомъ, который гроздьями ви-

сѣлъ на темныхъ сучьяхъ. Желтой травы не было видно, — все было засыпано снѣгомъ. Въ саду уже гулялъ товарищъ Володи—Митя; у него тоже были санки; они вмѣстѣ возили другъ друга, весело покрикивая, катали изъ рыхлаго снѣга большіе комья...

Наигравшись, набѣгавшись вдоволь, Володя, веселый, румяный, вернулся домой.

Къ обѣду пришелъ папа, Володя рассказалъ папѣ о своемъ первомъ катаньѣ по снѣгу и тутъ же сталъ просить его:

— Папа, ты мнѣ не носи больше ни конфектъ, ни вяземскихъ пряниковъ, — ты лучше купи мнѣ новыя санки.

— У тебя вѣдь есть санки!

— Онѣ старыя; няня нынче утромъ говорила съ чужой тетей, что мои санки прошлогоднія, а мнѣ бы, знаешь, папа, очень хотѣлось имѣть новыя,—какъ-то грустно заключилъ свою просьбу Володя.

— Не покупай ему,—возразила мама,—ему все нужно новое,—онъ нынче не хотѣлъ надѣвать башмаки, потому что они старые.

— Да, вѣдь, я же надѣлъ!—оправдывался Володя,—и няня меня умникомъ назвала.

— Ну, дѣлать нечего, если будешь умникомъ, куплю санки. Такія, знаешь, красныя, съ бахрамой, съ золотыми гвоздиками; только слушайся маму и няню.

— Буду, папа, буду!

И Володя бросился на шею къ отцу.

Весь вечеръ только и разговору было про санки. Няня еще обѣщала попросить дворника Василя сдѣлать на дворѣ снѣговую гору, съ которой онъ будетъ кататься самъ; и Володя, спокойный, веселый, ложился въ свою постельку, но долго еще не могъ заснуть: онъ все думалъ о новыхъ санкахъ, о той горѣ, которую ему сдѣлаютъ въ саду. Ночью онъ спалъ тревожно и часто вскрикивалъ: должно быть онъ падалъ съ горы, катаясь въ новыхъ санкахъ...

На другой день Володя проснулся рано и не капризничалъ; передъ обѣдомъ онъ опять ходилъ съ няней въ садъ, но ужъ не катался въ своихъ старыхъ санкахъ, а сидѣлъ на скамейкѣ и слушалъ, что говорила его няня съ другой женщиной, которая была няней его товарища—Мити.

— Ну, какъ твой сынокъ поживаетъ?—спрашивала Володина няня у Митиной няни.

— Гаврюша-то?.. Плохо, больно плохо,

Ермиловна, — отвѣчала та, — на фабрикѣ онъ у меня былъ, да тамъ и заболѣлъ; въ больницѣ теперь лежитъ, — не знаю, встанетъ ли... Плохо мое дѣло, — одна только и надежда была на него: вотъ, думала, подрастетъ, добывать станетъ и меня старуху успокоить...

— Жалко, жалко! — соболѣзновала Ермиловна, — ну, да авось Богъ милостивъ!..

— Дай-то Господи! — крестилась Митина няня...

Володя слушалъ этотъ разговоръ внимательно, не пропустилъ ни одного слова... Онъ никогда не видалъ Гаврюши, но ему было жаль его.

Къ вечеру папа привезъ новыя санки. Сколько радости было у Володи! — онъ не разставался съ ними цѣлый вечеръ и, ложась спать, велѣлъ нянѣ поставить ихъ около своей кровати.

— Это зачѣмъ же здѣсь санки поставили? — спросила Володина мама, войдя въ дѣтскую.

Володя еще не спалъ.

— Это я, мамочка, велѣлъ... не трогай, — поспѣшилъ заявить Володя.

— Ну, спи, спи, — не буду трогать, —

успокоила его мать.—А куда мы старья санки дѣнемъ?—спросила она у няни.

— Да ужъ не знаю,—отвѣтила та.

— А я знаю куда,—вмѣшался Володя.— Мамочка, милая, отдай мнѣ ихъ,—упрашивалъ онъ,—я ихъ подарю Гаврюшѣ.

— Какому Гаврюшѣ?

— Да вотъ няня знаетъ какому; онъ теперь боленъ, а когда выздоровѣетъ — тогда я ему и подарю.

Няня рассказала подробно все, что знала о Гаврюшѣ, и что Володя слышалъ въ саду.

Мать подошла къ Володѣ и крѣпко, крѣпко его поцѣловала, обѣщая отдать санки Гаврюшѣ.

Въ эту ночь Володя спалъ спокойно...

Иванъ Вѣлоусовъ.

НВ. Въ № 10 «Малютокъ», въ разсказѣ «Дима-грибъ», на страницѣ 157, въ шестой строкѣ снизу, отъ типографской слѣшности при исправленіи вкралась грубая опечатка,—именно: напечатано—**По Дима**,—слѣдуетъ читать—**По Димѣ**. *Ред.*

Редакторъ-издательница **А. Н. ТЮФЯЕВА-ТОЛИВѢРОВА**.

Довв. Цензурую Спб. 1 ноября 1890 г. Типографія А. М. Вольфа, Б. Итальянск., 2.

